

# РЕЦЕНЗИИ

**Мещанинов И. И.** Номинативное и эргативное предложения. Типологическое сопоставление структур. Отв. ред. Панфилов В. З. — М.: Наука, 1984. 294 с.

Публикация последнего труда академика И. И. Мещанинова спустя почти двадцатилетие после его кончины — явление закономерное, отражающее тот несомненный интерес к проблемам эргативности как у нас в стране, так и за рубежом (частичным подтверждением этому может служить издание сборника «Эргативность. К теории грамматических отношений», объединившего авторов из многих стран мира [1]). Притом, что в последние годы в данной области проделана немалая работа, приведшая к установлению целого ряда фундаментальных закономерностей, обращение к научному наследию одного из пионеров синтаксической типологии диктуется самой потребностью сверить новые факты и новые гипотезы с уже сложившейся концепцией.

Рецензируемая книга представляет собой естественное продолжение ранее издававшихся работ И. И. Мещанинова по данной проблематике, в которых последовательно раскрывается синтаксический механизм эргативности [2—5 и др.]. В силу этого наибольший интерес, естественно, вызывает то новое, что внес ученый непосредственно данным исследованием в учение об эргативности, хотя и оставаясь в целом в рамках ранее разработанной им теории. Не претендуя на полноту ответа, отметим следующее: в своей последней монографии И. И. Мещанинов, в отличие от предыдущих работ, сконцентрировал внимание не на различных вариациях эргативности, но на комплексном сопоставлении эргативного строя предложения с номинативным, как в целом, так и в отдельных их компонентах, что позволило ему сформулировать несколько типологических закономерностей, ранее, насколько нам известно, не обнаруживавшихся.

В первых разделах монографии (в особенности «Типологические сопоставления», «Синтаксическая типология») И. И. Мещанинов излагает некоторые теоретические принципы синтаксической типологии. В частности, обстоятельно раскрывается в книге соотношение генетической, синтаксической и морфологической классификаций. Уже сам факт соположения трех видов классификации в одном ряду говорит о том, что ученый не отдавал предпочтения какому-либо из них, хотя ему как типологу казались существенными определенные преимущества типологического исследования: во-первых, оно охватывает более широкие группировки языков и, во-вторых, не связывает сопоставление тех или иных

категорий с путями их образования: единым источником, параллельным развитием или территориальными контактами.

Об этом же свидетельствует, на первый взгляд, неожиданное, но подкрепляемое убедительными примерами (переход приращения в инкорпорирование, включение местоимений в глагольную форму и т. п.) утверждение о том, что исторический аспект исследуемых явлений — предмет не только компаративистики, но и типологии, когда «сами наличествующие грамматические формы могут выявлять, при их типологических сопоставлениях, последовательный ход их видоизменений» (с. 67).

Своеобразное преломление получает в работе тезис о независимости типологической и генетической классификаций. Хотя априорно можно утверждать, что типологическая характеристика отдельно взятого языка не предсказывается его генетической принадлежностью, в языковой действительности почти всегда члены одной языковой семьи принадлежат к одному синтаксическому типу. Отсюда вытекает замечательная возможность оперировать в качестве единицы исследования не отдельным языком, а группой в целом. Эта возможность широко использовалась И. И. Мещаниновым, предпочитавшим выделять в структуре рассматриваемых языков не специфические, а свойственные всей генетической группировке черты.

Обращает на себя внимание и другое обстоятельство: как равноправные рассматриваются морфологическая и синтаксическая классификация. Это может показаться несколько странным, особенно в свете последующих работ в области континентальной типологии, в которых прямо указывается, что морфологическая классификация носит формальный, ограниченный характер, в то время как классификация по способам выражения субъектно-объектных отношений по степени детерминированности приближается к так называемым «естественным» классификациям, т. е. генетической и ареальной [6, с. 137]. Все же можно считать, что И. И. Мещанинов придерживался именно последней точки зрения. Например, в разделе «Морфологические и синтаксические системы, маркирующие члены предложения» достаточно наглядно демонстрируется универсальный по сравнению с морфологией характер синтаксических отношений: «Общим для всех языков выступает не грамматическая форма, а выполняемая ею функция, кото-

рая варьирует в грамматических формах своего выражения» (с. 41).

Из универсальности синтаксических отношений, видимо, исходил И. И. Мещанинов при разработке концептуального аппарата. Едва ли не самыми основными в его исследовании оказываются понятия субъекта и объекта, в равной мере служащих описанию языков номинативного и эргативного строя. Более того, одной из профилирующих черт последнего считается противопоставление субъекта действия субъекту состояния. Ср., например: «Различное содержание субъекта действия и субъекта состояния передается в эргативной системе соответствующими грамматическими формами именных членов предложения. Субъект действия выражается активным падежом, а субъект состояния обозначается абсолютным падежом» (с. 29). Данная дихотомия представляется особенно важной в свете исследований последних лет, внесших серьезные коррективы в ее понимание. Во-первых, современные концепции эргативности, как правило, отказываются от понятий субъекта и объекта для характеристики эргативного типа, а выводят его из глубинного противопоставления семантических ролей агенса и фактитива, представляющего синтез субъекта переходного и объекта переходного предложений. Ср., например, следующую характеристику дагестанских языков: «...в дагестанских языках, как правило, **отсутствует** уровень субъектно-объектных отношений, и **семантические отношения** между предикатом и его аргументом выражаются непосредственно в морфологических падежных формах. Основные семантические отношения фактитива, агенса и адресата выражаются соответственно номинативом, эргативом и дативом» [7, с. 70]. Во-вторых, оппозиция действия и состояния, как выяснилось, является ведущим принципом совершенно иного языкового типа — активного [8, с. 5].

Думается, что обвинять И. И. Мещанинова в неверном толковании сущности эргативного строя оснований у нас нет. Кажущееся расхождение взглядов И. И. Мещанинова с современными теориями заключается в различном отношении к терминам «субъект» и «объект». Для И. И. Мещанинова — это категории универсальные: можно говорить об именительном, творительно-инструментальном, местном, родительном, активном или пассивном падеже или вообще об отсутствии падежной маркировки члена предложения, но выражаемая им функция субъекта остается неизменной. В этом отношении понятия субъекта и объекта у И. И. Мещанинова соответствуют используемым в современных публикациях терминам «агенса» (субъект переходного действия), «пациенса» (объект переходного действия). Что же касается оппозиции субъекта действия и субъекта состояния, то она находит прямое соответствие в противопоставлении агенса и фактитива. Таким образом, современное состояние континентальной типологии характеризуется не коренным пересмотром взглядов И. И. Мещанинова, а совершенствованием терминологии: действительно, употребление термина

«субъект» для обозначения трех разных сущностей (как универсальной категории, как субъекта номинативных языков и как субъекта/объекта эргативных) довольно неудачно.

С переходом к более или менее поверхностным явлениям в концепции И. И. Мещанинова становится более ощутимым стремление максимально разграничивать явления, характеризующую специфику той или иной типологии предложения. Так, к признаваемым практически всеми лингвистами импликациям «эргативная типология → эргативный падеж», «номинативная типология → винительный падеж» (в связи с последней импликацией многие исследователи предпочитают говорить не о номинативном типе, а об аккузативном) И. И. Мещанинов добавляет следующую зависимость: «номинативная типология → именительный падеж», «эргативная типология → абсолютный падеж», ср.: «В эргативной конструкции именительный падеж заменяется абсолютным» (с. 136). Думается, подобное разграничение особенно необходимо в типологических построениях: несмотря на известное сходство между номинативом и абсолютивом (обе единицы, как правило, немаркированы, имеют совпадение в части выполняемых ими функций), как единицы, входящие в разные парадигматические отношения, они определенным образом противопоставлены друг другу.

Еще одной немаловажной деталью, свидетельствующей о первенстве синтаксической классификации, является зависимость от профилирующего признака типа целого ряда факторов, организующих структуру слова и предложения, — грамматической формы субъекта и объекта (и, соответственно, системы склонения) и грамматической формы сказуемого (и, в частности, спецификации категорий класса, лица, вида, времени, залога). Такой подход позволил И. И. Мещанинову определить основные структурные черты, присущие, с одной стороны, номинативному и, с другой стороны, эргативному строю (в работах последних лет совокупность таких черт была выражена более эксплицитно в виде набора импликаций и фреквенталий номинативности и эргативности). Приведем некоторые из них:

Множественности падежей субъекта в эргативных языках может соответствовать множественность падежей объекта в номинативных языках (основной и винительный падежи в тюркских, именительный, родительный и отложительный — в финно-угорских и др.).

«Сама система залогов индоевропейских (т. е. номинативных. — А. М.) языков не имеет соответствий в языках с эргативным строем предложения, в котором противопоставляются переходные (субъектно-объектные) формы глагола непереходным (субъектным) без их деления по залогам» (с. 28).

Поиск подобного рода закономерностей приводит подчас к весьма любопытным результатам, хотя никто здесь не застрахован от неудач. Особого внимания в связи с этим заслуживает опыт исследования инкорпорации, являющейся одной из центральных проблем рецензируемой мо-

нографии. Это синтаксическое явление прослеживается автором в различных аспектах на протяжении нескольких разделов: «Грамматическая передача атрибута и объекта в номинативном и эргативном строе предложения», «Различное членение эргативного предложения по используемому в нем синтаксическим приемам», «Примыкание и словосочетание в номинативной и эргативной конструкциях предложения», «Грамматическая передача объекта в эргативной структуре предложения» и др.

Прежде всего привлекает внимание сама трактовка понятия инкорпорации в ее отношении к сходным явлениям. Указывая на известную близость к инкорпорации таких грамматических структур, как рамочная конструкция в немецком языке, И. И. Мещанинов четко определяет: здесь имеет место замыкание, но инкорпорации нет. Он пишет: «Наличие одной замыкаемой схемы еще не является достаточным для признания в ней сливаемого (инкорпорированного) синтаксического построения» (с. 179). Не менее важным оказывается и опыт рассмотрения инкорпорации, пользуясь все более популярным термином, в качестве фреквенталии эргативности. Хотя непосредственно в книге об этом не говорится, весь ход изложения подводит к тому, что техника примыкания реализуется в номинативных языках на уровне словосочетания (в качестве примера в книге используются данные тюркских языков), а в эргативных — и на уровне слова (как в чукотско-камчатских языках).

Последнее положение (а видимыми основаниями для его отклонения мы пока не располагаем) может быть подкреплено одним конкретным наблюдением, согласно которому трансформация объектно-предикатного сочетания в инкорпорированный комплекс отражается в смене падежа субъекта. В то же время в языках номинативной типологии подобная смена не происходит. Это приводит по крайней мере к одному существенному следствию. Дело в том, что возможность инкорпорирования объекта в состав глагольного сказуемого в эргативных языках свидетельствует о его подчиненном положении, неспособности выступать самостоятельным, организующим центром предложения и влечет за собой необходимость признания его второстепенным членом предложения. Заметим в связи с этим, что в рецензируемой книге данный принцип квалификации членов предложения проводится довольно четко, чего нельзя сказать о многих современных описательных работах, выделяющих подлежащее на основе поверхностных признаков падежной маркировки и классно-личного согласования.

Характерной чертой всех исследований И. И. Мещанинова является широкое использование материалов языков народов СССР: тюркских, финно-угорских, иберийско-кавказских, чукотско-камчатских и др., во многом покрывающих типологическое разнообразие языков мира. Лишь в некоторых случаях привлекается материал языков, относящихся к другим регионам. В связи с этим возникает проблема достаточности эмпирических дан-

ных для типологической классификации. Классификация языков, основанная на принципах отражения в языке субъектно-объектных отношений, на протяжении многих лет приобретала различные конфигурации. В ранних работах И. И. Мещанинова (см., например [3, с. 127—152]) мы находим понятия посессивного и аффективного строя предложения, от которых ученый впоследствии отказался, поскольку соответствующие конструкции предложения не относятся к конститутивным моделям, занимая в структуре тех или иных языков подчиненное положение<sup>1</sup>. Соответственно, к концу 60-х годов отечественная синтаксическая типология, опираясь на принцип системности, пришла к более или менее устойчивому выделению двух синтаксических типов — номинативного и эргативного.

Между тем уже в следующем десятилетии удалось сформулировать основные структурные признаки еще одного языкового типа — активного [8]. Можно полагать, что это открытие было связано с привлечением нового языкового материала, так как реальные представители активной типологии обнаруживаются исключительно на американском континенте. Вместе с тем не следует забывать, что едва ли не решающую роль сыграло здесь не столько рассмотрение нового материала, сколько применение к этому материалу принципа системности.

В последние годы обсуждается возможность включения в классификационные схемы еще двух единиц — классного и нейтрального типов [6, с. 87]. Их позиция в настоящее время представляется проблематичной. Во всяком случае выводы И. И. Мещанинова о том, что согласовательный механизм языков банту (классный тип?) вполне соответствует нормам номинативности, так как переходные и непереходные глаголы, как указывается в книге, получают здесь (использованы материалы суахили) одинаковые классные показатели субъекта (см. с. 235—236) в противоположность эргативным языкам, в которых классные показатели единообразно маркируют объект переходного и субъект непереходного действия, выглядят убедительно.

В краткой рецензии можно остановиться лишь на некоторых из целого комплекса вопросов, решение которых было намечено И. И. Мещаниновым и получило в современном языкознании заметное развитие. Вместе с тем уже затронутый здесь круг проблем позволяет, на наш взгляд, судить о непреходящей ценности трудов основоположника отечественной синтаксической типологии И. И. Мещанинова для дальнейших успешных типологических разысканий.

Алексеев М. Е.

<sup>1</sup> В связи с этим вызывает сомнение правомерность возрождения термина «посессивный тип», причем с более широкими структурными импликациями (см. [9]).

## ЛИТЕРАТУРА

1. Ergativity. Towards a theory of grammatical relations. London, 1979.
2. Мещанинов И. И. Новое учение о языке. Стадиальная типология. М.—Л., 1936.
3. Мещанинов И. И. Общее языкознание. К проблеме стадиальности в развитии слова и предложения. Л., 1940.
4. Мещанинов И. И. Структура предложения. М.—Л., 1963.
5. Мещанинов И. И. Эргативная конструкция в языках различных типов. Л., 1967.
6. Климов Г. А. Принципы континентальной типологии. М., 1983.
7. Кибрик А. Е. Семантика грамматических падежей в дагестанских языках.— В кн.: Падежный состав и система склонения в иберийско-кавказских языках. IX региональная научная сессия: Тезисы докладов. Махачкала, 1981.
8. Климов Г. А. К характеристике языков активного строя.— ВЯ, 1972, № 4.
9. Иванов Вяч. Вс. Посессивная конструкция и посессивный тип языка в синхронии и диахронии.— В кн.: III Всесоюзная конференция по теоретическим вопросам языкознания «Типы языковых общностей и методы их изучения» (Тезисы). М., 1984.

**Eckert [R.], Crome [E.], Fleckenstein [Ch.].** Geschichte der russischen Sprache. — Leipzig: Verlag Enzyklopädie, [1933]. 262 S.

Подготовке учителей русского языка в ГДР уделяется большое внимание. В этой области уже много сделано и делается. Немецкие коллеги отчетливо осознают, что глубокое понимание современного состояния русского языка невозможно без знания истории его формирования и развития. Именно на такой основе создана вышедшая в ГДР «История русского языка» под ред. проф. Р. Эккерта.

Составить хороший учебник по истории русского языка (среди других достоинств, он должен отличаться и доступностью) для студентов, русский язык для которых является неродным, — задача весьма нелегкая. Пожалуй, самым важным вопросом является отбор материала. Авторы учебника должны были представить историю русского языка как целостное явление со всей ее сложностью, учитывая при этом специфику адресата, количество часов, отводимых учебным планом на данную дисциплину, и, конечно, ограниченный объем самой книги.

Новизна рецензируемого учебника заключается в том, что он представляет собой комплексный курс всех дисциплин исторического цикла. В этом учебнике умело, последовательно и органически слито воедино то, что в советских вузах дается в виде трех самостоятельных курсов: 1) Старославянский язык, 2) Историческая грамматика и 3) История русского литературного языка.

Учебник состоит из следующих основных разделов: Введение, Индоевропейский, Праславянский, Ранний общеславянский, Древнерусский, Русский литературный язык национальной эпохи. Как нам представляется, такая композиция учебника является единственно оправданной и представляет собой оптимальный вариант применительно к конкретным условиям и контингенту обучаемых.

В разделе «Индоевропейский» (Das Indoeuropäische) кратко и экономно представлены основные особенности данного праязыка: системы гласных и согласных (с указанием на их рефлексы в праславян-

ском), аблаут (с его отражением в русском), охарактеризована структура индоевропейского корня (тематические и атематические основы). Здесь же кратко освещена «Переходная эпоха от индоевропейского к праславянскому». Указано на появление некоторых общих изоглосс, объединяющих праславянский с прагерманским и праславянский с прабалтийским. Несколько небольших параграфов посвящено вопросу о балто-славянских языковых взаимоотношениях. В качестве одного из древнейших фонетических процессов, охвативших не только протославянский, но и прабалтийский и индоиранский, указывается изменение древнего \*s после k, r, u, i. Подчеркивается, что центром данного процесса был протославянский, в котором изменение \*s явилось самым последовательным. Среди древнейших изменений, характерных для славянских и балтийских языков, названа общая судьба слоговых сонантов, а также некоторые другие фонетические процессы.

В разделе «Праславянский» (Das Urslawische) описаны все основные фонетические изменения, происходившие в данной языковой общности. Изменения звуковой системы праславянского периода излагаются в рамках трех основных тенденций: 1) делябилизации гласных, 2) палатализации согласных и 3) закона открытого слога. Отмечается, что делябилизация гласных привела к четкому противопоставлению гласных переднего и непреднего ряда, а это в свою очередь оказало непосредственное влияние на судьбу согласных. Наглядно показано, что в силу действия названных выше тенденций индоевропейское наследство на праславянской почве претерпело существенные изменения, в результате которых развилась новая, собственно славянская звуковая система. Установлена хронологическая последовательность фонетических изменений, подчеркнуто, что тенденция к открытому слогу заканчивается процессами, связанными с судьбой дифтонгических сочетаний -er-, -or-, -el-, -ol-.